

DOI 10.15393/j9.art.2019.6042

УДК 821.161.1.09“18”

Анна Юрьевна Нилова

(Петрозаводск, Российская Федерация)

annnilova@yandex.ru

Достоевский и Аристотель (постановка проблемы)*

Аннотация. Интерес к античности и проблеме ее влияния на современную европейскую культуру Ф. М. Достоевский проявлял на протяжении всего творчества. Он читал античных авторов, размышлял о классическом образовании. Литературный критик В. Г. Белинский указал на сочетание трагического и комического в произведениях писателя. Первые попытки охарактеризовать развитие античной теории трагедии в романах Достоевского относятся к началу XX в. Писатель усвоил концепцию Аристотеля, сформулированную в «Поэтике» — труде, оказавшем формирующее влияние на теорию литературы. Достоевский понимает трагедию как изображение катастрофического события с ужасными последствиями. Самого же трагического героя он, вслед за Аристотелем, рассматривает как обыкновенного человека, страдания которого вызывают сочувствие зрителей и, как следствие, их духовное очищение — катарсис. Хотя причины финальной катастрофы и страдания героя у Достоевского сложнее, чем в греческой трагедии, он оперирует традиционными терминами, заданными еще «Поэтикой» Аристотеля.

Ключевые слова: Достоевский, Аристотель, «Поэтика», трагедия, трагический герой, миф

Ф. М. Достоевский интересовался античной историей и культурой на протяжении всей жизни. В письме брату Михаилу от 1 января 1840 г. он восторженно отозвался о Гомере¹. После освобождения из каторги в начале 1854 г. он просил брата прислать ему сочинения древних историков и Отцов церкви (28; 179). Писатель одновременно читал античных и христианских авторов. По наблюдению Т. Г. Мальчуковой, в его сознании античность и христианство сосуществовали [Мальчукова: 36]. В библиотеке Достоевского были русские переводы английских переложений Тацита, Цезаря, Платона, Аристофана, Вергилия, «Илиада» в переводе Н. И. Гнедича, французский перевод Тацита, «История Греции» и «История Рима» О. Иегера, «Латинская грамматика» Кюнера. Достоевский

неоднократно упоминал в письмах и публицистике произведения Платона, Тацита, цитировал Вергилия и других классических авторов, благосклонно отзывался о статьях П. А. Лавровского и Б. И. Ордынского, оспаривавших трактовку «гомеровского вопроса» Ф.-А. Вольфом [Библиотека: 60]. В каллиграфии Достоевского встречаются имена римских императоров Нерона, Калигулы, Клавдия, Гальбы, Веспасиана, Виттелия, Цезаря. В записных тетрадах писатель пытался осмыслить влияние античной культуры на последующую европейскую цивилизацию и, в частности, упомянул Аристотеля:

«Там, где образование начиналось с техники (у нас реформа Петра), никогда не появлялось Аристотеля. Напротив, замечалось необычайное суживание и скудость мысли. Там же, где начиналось с Аристотеля (Renaissance, 15-е столетие), тотчас же дело сопровождалось великими техническими открытиями (книгопечатания, пороха) [астро] и расширением человеческой мысли (открытие Америки, Реформация, открытия астрономические и проч.)» (21; 268).

Второй раз он обратился к трудам греческого философа в «Дневнике писателя», рассуждая о монархической форме правления:

«Аристотель. «Русск<ий> вестник». Статья Куторги. Ноябрь. Тирания есть монархия, имеющая в виду только пользу монарха (в противоположность монархии, имеющей в виду пользу всеобщую), олигархия есть правление, имеющее в виду лишь пользу богатых (в противоположность правления аристократов, в смысле *лучших* людей), и наконец, демократия есть правление, имеющее в виду лишь пользу неимущих ([в противополо] об общественной же пользе не заботится никто из них)» (24; 85).

Достоевский проявлял интерес и к проблемам классического образования, размышляя о его соотношении с образованием реальным. Вслед за Пушкиным писатель пришел к мысли о формирующем влиянии классического образования на европейскую и русскую культуру [Мальчукова], [Захаров, 2016].

В. Г. Белинский отметил наличие в ранних произведениях Достоевского «трагического элемента» и его сочетание с комическим. В «Петербургском сборнике» критик писал:

«Судя по “Бедным людям”, мы заключили было, что глубоко человеческий и патетический элемент, в слиянии с юмористическим, составляет особенную черту в характере его таланта; но прочтя “Двойника”, мы увидели, что подобное заключение было бы слишком поспешно. Правда, только нравственно слепые и глухие не могут не видеть и не слышать в “Двойнике” глубоко патетического, глубоко трагического колорита и тона; но, во-первых, этот колорит и тон в “Двойнике” спрятались, так сказать, за юмор, замаскировались им, как в “Записках сумасшедшего” Гоголя...» [Белинский: 69].

То же сказано Белинским и по поводу «Бедных людей»:

«Вообще трагический элемент глубоко проникает собою весь этот роман. И этот элемент тем поразительнее, что он передается читателю не только словами, но и понятиями Макара Алексеича. Смешить и глубоко потрясать душу читателя в одно и то же время, заставить его улыбаться сквозь слезы, — какое уменье, какой талант! И никаких мелодраматических пружин, ничего похожего на театральные эффекты! Все так просто и обыкновенно, как та будничная, повседневная жизнь, которая кишит вокруг каждого из нас и пошлость которой нарушается только неожиданным появлением смерти то к тому, то к другому!.. Все лица обрисованы так полно, так ярко, не исключая ни лица господина Быкова, только на минуту появляющегося в романе собственно особою, ни лица Анны Федоровны, ни разу не появляющейся в романе собственно особою» [Белинский: 72].

Проблема усвоения Достоевским античной концепции трагедии была поставлена философами и критиками Серебряного века во время полемики о наличии или отсутствии трагического начала в произведениях писателя и возможности определения их как романов-трагедий. Философской основой для этих рассуждений стали третья речь о Достоевском Вл. Соловьева и статья В. Розанова «О Достоевском», в которых была впервые представлена «картина трагического мифа Достоевского в цельности его триадиической структуры»

[Сызранов: 181]. Вяч. Иванов определил романы Достоевского как романы-трагедии. Критик заметил, что «идея вины и возмездия, эта центральная идея трагедии, есть и центральная идея Достоевского» [Иванов: 429], а сам роман-трагедия — это «не искажение чисто эпического жанра, а его обогащение и восстановление в полноте присущих ему прав» [Иванов: 408]. К признакам, позволяющим определить роман Достоевского как роман-трагедию, критик относил трагичность замысла [Иванов: 409], катастрофичность развязки, «ужас и мучительное сострадание», поднимаемые со дна души «жестокой музой» писателя, которые вызывают «целительное освобождение души от хаотической смуты <...> аффектов», т. е. катарсис [Иванов: 410]. Отмечая глубочайший реализм трагедий, изображаемых писателем, Иванов писал: «Трагедия Достоевского разыгрывается между человеком и Богом и повторяется, удвоенная и утроенная, в отношениях между реальностями человеческих душ; и, вследствие слепоты оторванного от Бога человеческого познания, возникает трагедия жизни, и начинается трагедия борьбы между божественным началом человека, погруженного в материю, и законом отпавшей от Бога тварности» [Иванов: 425]. Продолжением этих размышлений В. Иванова стали работы «Экскурс: основной миф в романе “Бесы”», «Лик и личины России (к исследованию идеологии Достоевского)».

В начатой Вяч. Ивановым дискуссии так или иначе участвовали такие значимые деятели русской культуры 1910–1920-х гг., как Л. Шестов, Д. Мережковский, И. Анненский, В. Розанов, Л. Пумпянский и др. Если Вяч. Иванов видел в романе-трагедии возвращение к исходному синкретизму эпоса [Иванов: 408], то Л. Шестов говорил о философии трагедии, соглашаясь с ним в том, что истоки трагизма произведений Достоевского находятся в потустороннем, недоступном обычному человеку опыте автора, полученном во время ожидания смертной казни и пребывания в «Мертвом доме» — в подземном мире и «области трагедии, откуда нет уже возврата в мир обыденности» [Шестов: 460]. По мысли критика, «философия трагедии находится в принципиальной вражде с философией обыденности. Там, где обыденность производит

слово «конец» и отворачивается, там Ницше и Достоевский видят начало и ищут» [Шестов: 462]. Л. Пумпянский согласился со своими предшественниками в том, что роман Достоевского «есть результат катастрофы трагического сознания» [Пумпянский: 33], однако настаивал, что поэзия автора «далека от сферы трагедии». Последняя, по мысли критика, «есть всегда память о событии, никогда пророчество о нем. <...> Трагедия есть последняя волна события, уже не реальная, а вполне фиктивная. Поэзия же Достоевского есть волна еще не бывшего события; вторая и следующие будут уже не в поэзии, а в реальности. Тема трагедии — некоторые фиванские средние века; тема Достоевского — некоторое еще не бывшее время. Одним словом, организованной памяти трагедии поэзия Достоевского противопоставляет организованное пророчество. Из этого неопровержимо следует, что Достоевский не есть трагический поэт: его слово не именуется, не вспоминает, а предваряет» [Пумпянский: 40].

Эта дискуссия первых десятилетий XX в. повлияла на М. Бахтина. Исследователь критикует исходную формулу Вяч. Иванова «роман-трагедия» на том основании, что трагедия при формальной диалогичности однопланова: «Герои <драмы> диалогически сходятся в едином кругозоре автора, режиссера, зрителя на четком фоне односоставного мира. Концепция драматического действия, разрешающего все диалогические противостояния, чисто монологическая» [Бахтин: 26]. Полифонический же роман Достоевского многопланов, он диалогичен по сути, объективно принимает «в себя другие сознания» [Бахтин: 27]. В качестве источников романа Достоевского Бахтин выделяет сократический диалог, мениппову сатиру и средневековую мистерию, отмечая, что именно карнавальная свобода «сделала возможным создание открытой структуры большого диалога» [Бахтин: 270–271].

В современном литературоведении к различным аспектам отражения античности и влияния трагедии в творчестве Достоевского обращались Т. Г. Мальчукова [Мальчукова], В. В. Дудкин [Дудкин, 2004, 2016], О. В. Захарова [Захарова], И. А. Есаулов [Есаулов], А. А. Асоян [Асоян], С. В. Сызранов [Сызранов]. Понимание же самим Достоевским жанра трагедии (именно

трагедии, а не трагического как эстетической категории) не получило должного освещения в науке.

Трагедия как жанр впервые была описана в «Поэтике» Аристотеля, которая имеет исключительное значение в теории литературы: «“Поэтика” Аристотеля во многом предопределила тезаурус и круг проблем традиционного литературоведения» [Захаров, 1992: 2]. Аристотель охарактеризовал трагедию как «подражание действию важному и законченному, имеющему [определенный] объем, [производимое] речью, услащенной по-разному в различных ее частях, [производимое] в действии, а не в повествовании, и совершающее посредством сострадания и страха очищение (katharsis) подобных страстей» [Аристотель: 651]. Кроме того, «[трагедия] есть подражание действию не только законченному, но и [внушающему] сострадание и страх, а это чаще всего бывает, когда что-то одно неожиданно оказывается следствием другого» [Аристотель: 656]. Среди обозначенных шести частей трагедии наиболее важными он считал сказание (μῦθος)² и характеры³. В мифе Аристотель выделил перипетию, узнавание и страдание и считал важным, «чтобы хорошо составленное сказание было скорее простым, чем <...> двойным, и чтобы перемена в нем происходила не от несчастья к счастью, а, наоборот, от счастья к несчастью и не из-за порочности, а из-за большой ошибки [человека] такого, как сказано, а [если не такого], то скорее лучшего, чем худшего» [Аристотель: 659]. Героем трагедии, по мысли философа, должен быть «такой человек, который не отличается ни добродетелью, ни праведностью, и в несчастье попадает не из-за порочности и подлости, а в силу какой-то ошибки (hamartia), быв до этого в великой славе и счастье, как Эдип, Фиест и другие видные мужи подобных родов». При этом желательно, чтобы страдать друг друга заставляли близкие люди: брат, сын, мать [Аристотель: 658–659], только в этом случае страдания героя вызовут сострадание, жалость и страх, которые — есть «очищение страстей», т. е. катарсис. Рецепция этой категории в европейской литературе подробно описана в научных работах (см., напр.: [Лосев, Шестаков: 85–99], [Позд-нев]).

Достоевский употребляет слово «трагедия» в прямом смысле — как обозначение театрального представления в жанре трагедии:

«А между тем для меня его игра действительно оказалась чем-то невиданным и неслыханным. Да, я не видал до сих пор в *трагедии* (здесь и далее в цитатах курсив мой. — А. Н.) актера, подобно<го> Васильеву» (20; 148).

«Это, конечно, русская деревня, а лицо — простая баба, которая грамотно и говорить не умеет, но, ей-богу, этот монолог о стертых коленках, “если б тут умолить было можно”, стоит многих высоких мест в иных *трагедиях* в этом роде» (21; 102).

В художественных произведениях, записных книжках и публицистических произведениях Достоевский характеризовал как трагедию ужасное событие или происшествие, которое может иметь губительные последствия. В «Ряде статей о русской литературе» он писал о Гоголе и называл трагедией историю с кражей шинели у бедного чиновника, имея в виду катастрофические последствия этого:

«Он постиг назначение поручика Пирогова; он из пропавшей у чиновника шинели сделал нам ужасную *трагедию*» (18; 59).

В «Братьях Карамазовых» госпожа Хохлакова испуганно отзывается о сидящей в гостиной Катерине Ивановне и опасается, что визит последней может вызвать непредсказуемые и губительные результаты:

«И там эта *трагедия* теперь в гостиной, которую я не могу перенести, не могу, я вам заранее объявляю, что не могу. Комедия, может быть, а не трагедия. Скажите, старец Зосима еще проживет до завтра, проживет?» (14; 165).

В очерке «Пушкин» («Дневник Писателя» за 1889 г.) Достоевский характеризовал как трагедию отношения Онегина и Татьяны:

«...она прошла в его жизни мимо него не признанная и не оцененная им; в том и *трагедия* их романа» (26; 140).

Писатель употреблял в переносном значении не только слово «трагедия», но и «роман», используя жанровое обозначение для описания взаимоотношений героев.

В статье за 15 июня «Петербургской летописи» Достоевский так описывал мечтателя:

«А знаете ли вы, что такое мечтатель, господа? Это кошмар петербургский, это олицетворенный грех, это *трагедия*, безмолвная, таинственная, угрюмая, дикая, со всеми неистовыми ужасами, со всеми катастрофами, перипетиями, завязками и развязками, — и мы говорим это вовсе не в шутку» (18; 32).

Писатель охарактеризовал структуру трагедии, выделил в ней составные части и отмеченную еще Аристотелем перипетию. Кроме того, он писал о грехе как источнике страданий главного героя. В этой же статье Достоевский еще раз сопоставляет трагедию и грех, описывая тип счастливого мечтателя: «И не *трагедия* такая жизнь! Не грех и не ужас! Не карикатура!» (18; 34).

В «Дневнике писателя» за 1877 г. (сентябрь–декабрь) Достоевский отозвался на трагическую гибель мужа старшей дочери А. С. Пушкина, генерал-майора Леонида Гартунга, обвиненного в хищении векселей и других документов купца первой гильдии В. К. Зантфлебена, душеприказчиком которого он являлся. Заседание Московского окружного суда с участием присяжных заседателей проходило 7–14 октября 1877 г. Не дожидаясь приговора, Гартунг застрелился, оставив записку о своей невиновности. Достоевский пишет по поводу гибели обвиняемого:

«Гартунга жалко, но тут скорее *трагедия* (преглубокая), фатум русской жизни, чем с которой-нибудь стороны ошибка. Или, лучше сказать, тут все виноваты: и нравы, и обычаи нашего интеллигентного общества, и характеры, в этом обществе выровнявшиеся и создавшиеся, наконец, нравы и обычаи наших заимствованных и недостаточно обрусевших молодых судов» (26; 46)

и далее продолжает:

«...мне кажется, в деле Гартунга нечего ни стыдить суд, ни стыдиться суду. Тут ведь фатум, *трагедия*: генерал Гартунг до самой

последней минуты своей считал себя не виновным и оставил записку... <...> Гартунг умер в сознании совершенной своей личной невинности, но и ошибки... судебной ошибки, в строгом смысле, никакой не было. Был фатум, случилась трагедия: слепая сила почему-то выбрала одного Гартунга, чтоб наказать его за пороки, столь распространенные в его обществе. Таких, как он, может быть, 10 000, но погиб один Гартунг. Невинный и высоко честный этот человек, с своей трагической развязкой, конечно, мог возбудить наибольшую симпатию, из всех этих десяти тысяч, а суд над ним приобрести наибольшую огласку по России для предупреждения «порочных»; но вряд ли судьба, слепая богиня, на это именно рассчитывала, поражая его» (26; 49–50).

Достоевский, вслед за Аристотелем, воспринимает героя трагедии как невинного человека, такого же, как все («таких, как он, 10 000»), который страдает не из-за своей крайней порочности, а из-за случайности, гибель этого человека должна возбудить сочувствие зрителей и вызвать катарсис. Наличие этой категории в произведениях Достоевского и ее значимость для поэтики писателя отмечены О. В. Захаровой [Захарова]. Аристотель называет причиной страдания ошибку (ἀμαρτία). У Достоевского причины сложнее, хотя он и использует традиционный тезаурус: несчастье, судьба, фатум. Так, воздействием судьбы Достоевский объясняет трагическую катастрофу в драме Кошанского «Пить до дна — не видать добра», на постановку которой он отзывается в «Дневнике писателя» за 1873 г. (статья «По поводу одной драмы»):

«Сюжет налицо, и мы его подробно излагать не будем. Мысль серьезная и глубокая. Это вполне трагедия, и fatum ее — водка; водка все связала, заплонила, направила и погубила» (21; 96).

Водка здесь понимается как тот самый «олицетворенный грех», ведущий к катастрофе.

«Поэтика» Аристотеля была основой любого учения о поэтике. Достоевский воспринял в концепции трагедии многое из того, о чем писал греческий философ. Так же, как и Аристотель, писатель понимал структуру трагедии, ее основные элементы, характеризовал трагического героя, чьи страдания должны вызывать сочувствие и сострадание зрителя.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90037.
- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); редкол.: В. Г. Базанов, Г. М. Фридлиндер, В. В. Виноградов и др. Л.: Наука, 1985. Т. 28₁. С. 69. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома, книги (нижний индекс), страницы в круглых скобках.
- ² Аристотель в поэтике использовал слово μῦθος (миф: «Ἀνάγκη οὖν πάσης τῆς τραγωδίας μέρη εἶναι ἕξ, καθ' ὃ ποιά τις ἐστὶν ἡ τραγωδία-ταῦτα δ' ἐστὶ μῦθος») [Ἀριστοτέλης: 94]. В латинских переводах употребляемое Аристотелем слово «миф» перевели как «фабула», и этот термин стал использоваться в последующих поэтиках, затуманивая изначальную мысль греческого философа [Захаров, 1984: 132].
- ³ О статусе категории «характер» в поэтике Достоевского в связи с учением Аристотеля см.: [Захаров, 1983: 64, 72].

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика / пер. М. Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения: в 4 т. — М.: Мысль, 1983. — Т. 4. — С. 645–680.
2. Асоян А. А. К проблеме семиозиса «Эллинского слова» в русской литературной классике // Критика и семиотика. — 2015. — № 1. — С. 9–100.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 416 с.
4. Белинский В. Г. Петербургский сборник // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 3 т. / под ред. Ф. М. Головченко. — М.: ОГИЗ, 1948. — Т. 3. — С. 61–100.
5. Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / отв. ред. Н. Ф. Буданова. — СПб.: Наука, 2005. — 338 с.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); редкол.: В. Г. Базанов, Г. М. Фридлиндер, В. В. Виноградов и др. — Л.: Наука, 1972–1990.
7. Дудкин В. В. Достоевский и Софокл: Сходное в несходном («Эдип-Царь», «Эдип в Колоне» Софокла и «Преступление и наказание» Достоевского) // Достоевский: Материалы и исследования. — СПб.: Нестор-История, 2016. — Т. 21. — С. 3–16.
8. Дудкин В. В. Античные предвестники «Бесов» Достоевского (Аристофан) // Достоевский и современность: материалы XVIII Международных Старорусских чтений 2003 года. — Великий Новгород, 2004. — С. 278–285.
9. Есаулов И. А. «Родное» и «Вселенское» в романе «Идиот» // Достоевский: Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 2005. — Т. 17. — С. 92–101.
10. Захаров В. Н. Поэтические принципы изображения характеров у Достоевского // Русская литература 1870–1890 годов: проблема характера: межвуз. сб. — Свердловск: УрГУ, 1983. — С. 64–72.
11. Захаров В. Н. О сюжете и фабуле литературного произведения //

- Принципы анализа литературного произведения: сб. ст. / под ред. П. А. Николаева, А. Я. Эсалнек. — М.: МГУ, 1984. — С. 130–136.
12. Захаров В. Н. Историческая поэтика и ее категории // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. — Т. 2. — С. 3–9 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2355> (15.01.2019). DOI: 10.15393/j9.art.1992.2355
  13. Захаров В. Н. Идея Достоевского: Усиленное познание России как задача образования // Неизвестный Достоевский. — 2016. — № 3. — С. 3–13 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1477920447.pdf (15.01.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2781
  14. Захарова О. В. Проблема катарсиса у Достоевского: из газетной полемики 1873 года // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. — Вып. 11. — С. 219–229 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516511.pdf (15.01.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2013.381
  15. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // Иванов Вяч. Борозды и мрежи. Опыты критические и эстетические. — М.: Мусaget, 1916. — С. 400–436.
  16. Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. — М.: Искусство, 1965. — 372 с.
  17. Мальчукова Т. Г. Достоевский и Гомер // Новые аспекты в изучении Достоевского. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ. — 1994. — С. 3–36.
  18. Позднев М. М. Психология искусства. Учение Аристотеля. — М.; СПб.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. — 816 с.
  19. Пумпянский Л. В. Достоевский и античность. — Петербург: Замыслы, 1922. — 48 с.
  20. Сызранов С. В. Трагический миф Ф. М. Достоевского в истолковании русской философской критики конца XIX — первой трети XX века // Соловьевские исследования. — 2018. — Вып. 3 (59). — С. 175–193.
  21. Шестов Л. Достоевский и Ницше (Философия трагедии) // Шестов Л. Сочинения: в 2 т. — Томск: Водолей, 1996. — Т. 1. — 512 с.
  22. Αριστοτέλης Περί Ποητικής // Απαντα. — Αθήνα, 1995. — Т. 34. — 418 σ.

Информация об авторе: Нилова Анна Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета.

Дата поступления в редакцию: 21.01.2019

Дата публикации: 29.03.2019

Anna Yu. Nilova

(Petrozavodsk, Russian Federation)

annnilova@yandex.ru

Dostoevsky and Aristotle: (Formulation of the Problem)

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 18-012-90037.

Abstract. The genre of tragedy was described in Aristotle's Poetics, which had a formative influence on the subsequent European theory of literature. Interest in antiquity and its influence on modern European culture was manifested throughout Dostoevsky's work. He read ancient authors and thought about classical education a lot. Belinsky also pointed out the combination of the tragic and the comic in the writer's works. The first attempts to describe the development of the ancient theory of tragedy in Dostoevsky's novels date back to the beginning of the 20th century. The writer adopted the concept of Aristotle. He construes tragedy as representation of a catastrophic event with terrible consequences. Dostoevsky himself, following Aristotle, understands the tragic hero as an ordinary person whose sufferings cause compassion from the audience and spiritual purification — catharsis. Even though the causes of the final catastrophe and the suffering of a hero in the works of Dostoevsky are more complicated than in the Greek tragedy, he uses traditional terms defined by Aristotle in "Poetics".

Keywords: Dostoevsky, Aristotle, "Poetics", tragedy, tragic hero, myth

References

1. Aristotel'. Poetics. In: *Aristotel'. Sochineniya: v 4 tomakh* [Aristotel. Writings: in 4 Vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, vol. 4, pp. 645–680. (In Russ.)
2. Asoyan A. A. To the Problem of Semiosis of "The Hellenic Word" in Russian Literary Classics. In: *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 2015, no. 1, pp. 9–100. (In Russ.)
3. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [The Problems of Dostoevsky's Poetics]. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2017. 416 p. (In Russ.)
4. Belinskiy V. G. Petersburg Collection. In: *Belinskiy V. G. Sobranie sochineniy: v 3 tomakh* [Belinsky V. G. The Collected Works: in 3 Vols]. Moscow, Ob'edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal'nykh izdatel'stv Publ., 1948, vol. 3, pp. 61–100. (In Russ.)
5. *Biblioteka F. M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisaniye* [F. M. Dostoevsky's Library: The Experiment of Reconstruction. Scientific Description]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
6. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
7. Dudkin V. V. Dostoevsky and Sophocles: the Similar in the Dissimilar

- (“Oedipus the King”, “Oedipus at Colonus” by Sophocles and “Crime and Punishment” by Dostoevsky). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, vol. 21, pp. 3–16. (In Russ.)
8. Dudkin V. V. Antique Precursors of the “Demons” of Dostoevsky (Aristophanes). In: *Dostoevskiy i sovremennost'. Materialy XVIII Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 2003 goda* [Dostoevsky and Modernity. Proceedings of the 18th International Staraya Russa Conference of 2003]. Novgorod the Great, 2004, pp. 278–285. (In Russ.)
  9. Esaulov I. A. “Native” and “Universal” in the Novel “The Idiot”. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, vol. 17, pp. 92–101. (In Russ.)
  10. Zakharov V. N. The Poetic Principles of the Image of Characters in Dostoevsky. In: *Russkaya literatura 1870–1890 godov: problema kharaktera* [Russian Literature of 1870–1890: The Problem of Character]. Sverdlovsk, Ural State University Publ., 1983, pp. 64–72. (In Russ.)
  11. Zakharov V. N. About the Subject and Plot of the Literary Work. In: *Printsipy analiza literaturnogo proizvedeniya* [The Principles for Analysis of Literary Work]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1984, pp. 130–136. (In Russ.)
  12. Zakharov V. N. Historical Poetics and its Category. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1992, vol. 2, pp. 3–9. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2355> (accessed on January 15, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.1992.2355 (In Russ.)
  13. Zakharov V. N. Dostoevsky’s Idea: Deeper Understanding of Russia as an Educational Challenge Learning. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2016, no. 3, pp. 3–13. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1477920447.pdf (accessed on January 15, 2019). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2781 (In Russ.)
  14. Zakharova O. V. The Concept of Catharsis in Fedor Dostoevsky’s Works: from the Newspaper Polemics of 1873. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2013, vol. 11, pp. 219–229. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516511.pdf (accessed on January 15, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.2013.381 (In Russ.)
  15. Ivanov Vyach. Dostoevsky and the Novel-Tragedy. In: *Ivanov Vyach. Borozdy i mrezi. Opyty kriticheskie i esteticheskie* [Ivanov Vyach. Furrows and Boundaries. Critical and Aesthetical Practices]. Moscow, Musaget Publ., 1916, pp. 400–436. (In Russ.)
  16. Losev A. F., Shestakov V. P. *Istoriya esteticheskikh kategoriy* [The History of Aesthetic Categories]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1965. 372 p. (In Russ.)
  17. Mal’chukova T. G. Dostoevsky and Homer. In: *Novye aspekty v izuchenii Dostoevskogo* [New Aspects in Studying of Dostoevsky]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, pp. 3–36. (In Russ.)
  18. Pozdnev M. M. *Psikhologiya iskusstva. Uchenie Aristotelya* [Psychology of Art. Aristotle’s Doctrine]. Moscow, St. Petersburg, Russkiy fond sodeystviya

- obrazovaniyu i nauke Publ., 2010. 816 p. (In Russ.)
19. Pumpyanskiy L. V. *Dostoevskiy i antichnost'* [*Dostoevsky and Antiquity*]. Petersburg, Zamysly Publ., 1922. 48 p. (In Russ.)
  20. Syzranov S. V. F. M. Dostoevsky's Tragic Myth in the Interpretation of Russian Philosophical Criticism of the Late 19th — First Third of the 20th Century. In: *Solov'evskie issledovaniya* [*The Solovyov Studies*], 2018, vol. 3 (59), pp. 175–193. (In Russ.)
  21. Shestov L. Dostoevsky and Nietzsche (Philosophy of Tragedy). In: *Shestov L. Sochineniya: v 2 tomakh* [*Shestov L. Writings: in 2 Vols*]. Tomsk, Vodoley Publ., 1996, vol. 1. 512 p. (In Russ.)
  22. Aristotel'. Poetics. In: *Απαντα* [*The Complete Works*]. Athens, 1995, vol. 34. 418 p. (In Greek)

Information about the author: *Nilova Anna Yu.* — PhD, Associated Professor of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalistic of the Petrozavodsk State University.

Received: January 21, 2019

Date of publication: March 29, 2019